

литература, 1988. – 496 с.

9. Петров, С. М. Исторический роман в русской литературе / С. М. Петров. – М. : Изд-во министерства просвещения, 1961. – 233 с.

10. Parey, A. Reviving Historical Fiction in Kate Atkinson's Life After Life. – Mode of access : <https://journals.openedition.org/ebc/11908>. – Time of access : 28.09.2022.

11. Kate Atkinson's official site [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.kateatkinson.co.uk/books/life-after-life/>. – Time of access : 30.09.2022.

12. Пауткин, А. И. Советский исторический роман (в русской литературе) / А. И. Пауткин. – М. : Знание, 1970. – 107 с.

13. Комаровская, Т. Е. Исторический роман США XX века. Монография / Т. Е. Комаровская. – Минск: БГПУ, 2019. – 238 с.

А. В. Нанос,

аспирант (Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ ФИЛИПА РОТА «ОПЕРАЦИЯ “ШЕЙЛОК”. ПРИЗНАНИЕ»

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению синтеза исторического факта и художественного вымысла в романе Филипа Рота «Операция “Шейлок”. Признание». Через описание реальных исторических событий и использование в качестве героев реальных людей американский писатель поднимает тему Холокоста и его влияния на еврейскую память и современную историю государства Израиль. Вплетение в сюжет факта также позволяет Роту обратиться к излюбленным темам – поиску идентичности и соотношению реальности и вымысла.*

***Ключевые слова:** исторический факт; художественный вымысел; документальная литература; Холокост; идентичность; евреи; Израиль.*

A. V. Nanos,

postgraduate student (Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus)

HISTORICAL FACT AND FICTION IN PHILIP ROTH'S «OPERATION SHYLOCK: A CONFESSION»

***Abstract.** The article deals with the synthesis of historical fact and fiction in Philip Roth's novel «Operation Shylock: A Confession». Through the description of real historical events and the use of real people as characters, the American writer raises the topic of the Holocaust and its impact on Jewish memory and the modern history of the state of Israel. The interweaving of fact into the story also allows Roth to turn to his favorite themes – the search for identity and the relationship between reality and fiction.*

***Key words:** historical fact; fiction; documentary; Holocaust; identity; Jews; Israel.*

«В этой книге я попытался очертить драму еврейского существования в настоящий момент истории, представив себе, что пугает еврейское сознание, и исследовав причины еврейской разобщенности и глубины еврейской памяти», – написал Филип Рот (Philip Milton Roth, 1933–2018) в открытом письме в «Википедию» в ответ на статью энциклопедии о его романе «Операция “Шейлок”».

Признание» (*«Operation Shylock: A Confession»*, 1993) [1, с. 484]. Этот роман – отчасти документальное произведение, сюжет которого разворачивается в Израиле во время арабо-израильского конфликта. Параллельно с освещением событий 1988 года, американский писатель обращается к теме Холокоста, для чего вплетает в свой вымышленный рассказ реальных людей и реальные события. Это судебный процесс над предполагаемым нацистским военным преступником Джоном Демьянюком и интервью с пережившим Холокост еврейским писателем Аароном Аппельфельдом [2].

После Второй мировой войны наблюдается активное использование документальных источников – свидетельств участников военных событий, воспоминаний узников концлагерей, фотоматериалов – в литературные произведения. Главной причиной бурного развития документальной литературы или литературы non-fiction был ужас и потрясение после обнародования преступлений, совершенных нацистами. Реальность превзошла самый ужасный вымысел, подавила художественную фантазию. Для ее осмысления и интерпретации понадобились новые средства, новая литература. Белорусский писатель Алесь Адамович даже выдвинул идею «сверхлитературы» – той, в которой главным голосом должен быть свидетель событий (ее изучением занимается Л. Д. Синькова [3]).

Тема Второй мировой войны и одного из ее самых страшных преступлений – Холокоста – остается актуальной для современной западной литературы на протяжении многих десятилетий. Трагедии посвящены произведения как современников военных событий (Э.М. Ремарк (*Erich Maria Remarque, 1898–1970*) «Искра жизни» (*Spark of Life*, 1952; Р. Мерль (*Robert Merle, 1908–2004*) «Смерть – мое ремесло» (*Death Is My Trade*, 1952), так и нового поколения писателей (Дж. С. Фоер (*Jonathan Safran Foer, 1977–*) «Полная иллюминация» (*Everything Is Illuminated*, 2002; Н. Краусс (*Nicole Krauss, 1974*) «Хроники любви» (*The History of Love*, 2005). Примечательно осмысление Холокоста в творчестве еврейских писателей. О. Б. Карасик в своей монографии «Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности: монография» отмечает, что «именно Холокост как историческое событие и глобальная трагедия стал фактором, полностью изменившим мировоззрение евреев. Он отодвинул на второй план религию и стал тем, что сегодня фактически определяет этническую идентичность еврея, независимо от страны проживания» [4, с. 27].

Проблема поиска идентичности, в том числе этнической, является одной из ключевых для Филипа Рота – американского писателя с еврейскими корнями. И хотя в его творчестве нет произведений полностью посвященных Холокосту, однако, так или иначе, геноцид еврейского народа затрагивается во многих романах («Призрак писателя» (*The Ghost Writer*, 1979), «Урок анатомии» (*The Anatomy Lesson*, 1983), «Другая жизнь» (*The Counterlife*, 1986), «Заговор против Америки» (*The Plot Against America*, 2004)). В «Операции “Шейлок”» к теме Холокоста и его влияния на поиск идентичности, добавляется тема непостижимой природы правды, которая часто бывает изощреннее вымысла.

В первую очередь возможность установления истины ставится под сомнение через освещение суда над Джоном Демьянюком. Сторона обвинения в лице шести бывших узников концлагеря Треблинка утверждает, что простой американский рабочий Джон Демьянюк – не кто иной, как жестокий охранник газовой камеры, известный под прозвищем «Иван Грозный». Адвокаты подсудимого не оспаривают факт существования «Ивана Грозного» и совершения им ужасающих злодеяний. Они лишь настаивают на том, что Джон Демьянюк и «Иван Грозный» – два разных человека, и доказательства в пользу того, что это одно и то же лицо ничтожны.

Утверждения защиты и обвинения достаточно убедительны. С одной стороны, многое говорит в пользу того, что Демьянюк – военный преступник, виновный в смерти сотен евреев. Есть свидетельства выживших узников Треблинки, документальное доказательство в виде удостоверения личности из учебного лагеря СС Травники, где готовили охранников Треблинки, татуировка на левой подмышке, которые немцы делали эсэсовцам, чтобы обозначить группу крови.

С другой стороны, каждое из этих доказательств можно опровергнуть. Опознавшие его узники могут лгать или спустя сорок лет просто ошибаться. Удостоверение может быть фальшивкой. А сведенная татуировка – всего лишь необдуманном поступком: «*”Моя трагическая ошибка, – заявил Демьянюк в суде, – в том, что я не умею как следует думать и как следует отвечать”. Глупость – вот единственное, в чем он сознался за одиннадцать лет, прошедших с тех пор, как в Кливленде федеральный прокурор впервые предъявил обвинение против него, утверждая, что он и есть «Иван Грозный». А за глупость не вешают»*¹ [2, с. 100 – 101].

Таким образом, каждая из сторон приводит доказательства, которые придают достоверность их утверждениям. Но этих доказательств не достаточно, чтобы дискредитировать утверждения противоположной стороны. Невозможность суда разобраться в личности Демьянюка порождает размышления автора по поводу идентичности. Может ли обычный семьянин из Огайо, абсолютно заурядный человек с заурядной внешностью и заурядной работой быть одновременно и виновником массовых убийств?

Невозможность установления личности Демьянюка выявляет еще одну проблему – вынесение верного вердикта. Холокост и травмирующая память о нем вызывают страх, что чудовищные события будут забыты, а преступления останутся безнаказанными. Поэтому перед израильским судом стоит непростая задача – объективно судить человека другой национальности без предубеждений против «других». Предубеждений, которые в итоге привели к такой катастрофе, как Холокост.

В «Операции “Шейлок”. Признание» Рот высказывает опасение, что травматический опыт может превратить вчерашних жертв в новых преступников. Один из героев произведения, университетский друг романного Филипа Рота Джордж Зиад, возмущается циничной институализацией Холокоста и спекуляциями на образе жертвы: «*Повторяю: Демьянюка приволокли сюда, чтобы уберечь мифологию, которой подпитывается жизненная сила страны. Потому что где бы они были, не будь Холокоста? Кем бы они были? Именно Холокост – общее звено, соединяющее их с мировым еврейством, особенно с американским, которое живет в благополучии и безопасности, которое испытывает чувство вины за спокойное и успешное существование, и вину эту можно поэксплуатировать»*² [2, с. 233].

Опасение усиливается с описанием второго судебного процесса в романе, где на скамье подсудимых оказывается палестинский юноша. «*Второй за два дня еврейский суд в моей жизни, – пишет Рот. – «Судьи – евреи. Еврейские законы. Еврейские флаги. И ответчики – не евреи... Что ж, этот день, как ни поразительно, наступил, и вот мы здесь, вершим правосудие. Осуществление еще одной свойственной человеку мечты, на которую возлагалось так много надежд, – в совсем неидеальной форме»*³ [2, с. 234].

Таким образом, суды над Демьянюком и молодым палестинцем становятся и судом над израильским законом и властью, их непредвзятостью и объективностью [5, с. 70]. Еврей больше не на скамье подсудимых. Но его снова судят, и, как пишет Рот, этот суд начался еще несколько столетий назад.

¹ “My tragic mistake,” Demjanjuk told the court, “is that I can’t think properly and I can’t answer properly.” Stupidity—the only thing to which he had confessed since the complaint identifying him as Ivan the Terrible was first filed against him by the U.S. Attorney’s office eleven years earlier in Cleveland. And you cannot hang a man for being stupid [5].

² I repeat: Demjanjuk is here to maintain the mythology that is this country’s lifeblood. Because without the Holocaust, where are they? Who are they? It is through the Holocaust that they sustain their connection to world Jewry, especially to privileged, secure American Jewry, with its exploitable guilt over being unimpaired and successful [5].

³ My second Jewish courtroom in two days. Jewish judges. Jewish laws. Jewish flags. And non-Jewish defendants... Well, the day had arrived, amazingly enough, and here we were, determining it. The unidealized realization of another hope-filled human dream [5].

Вводя в повествование пьесу Шекспира «Венецианский купец», американский писатель заявляет, что вымысел способен влиять на наше мироощущение и понимание истории, а образ Шейлока повлиял на отношение к евреям и развитие анитисимизма: *«Да, уже четыреста лет еврейский народ существует в мрачной тени этого Шейлока. В современном мире еврей постоянно находится под судом; даже сегодня еврей – в лице израильтянина – находится под судом, и этот современный суд над евреем, этот суд, который никогда не заканчивается, начинается с суда над Шейлоком»*⁴[2, с. 466].

Рассматривая тему взаимоотношения реальности и вымысла, Филип Рот вставляет в роман «Операция “Шейлок”. Признание» интервью с писателем Аароном Аппельфельдом (опубликовано в New York Times Book Review 28 февраля 1988: *«Walking the Way of Survivor: A Talk with Aharon Appelfeld»*) [1, с. 271]. Будучи ребенком, Аппельфельд бежал из концлагеря и несколько лет один, без родителей скрывался в лесах от преследователей. Одна из его книг «Цили» рассказывает историю девочки, которая остается совсем одна, когда ее родители бегут, спасаясь от немецкой оккупации.

История Цили во многом схожа с историей самого Аппельфельда и той трагедией, которую ему пришлось пережить. Но он отказывается от беллетризации собственного опыта и создает вымышленный персонаж, что подмечает Филип Рот. *«Не приходило ли вам когда-нибудь в голову не создавать вымышленную историю на этом материале, а просто описать собственные мытарства, как вы их запомнили, написать повесть о судьбе выжившего с той же непосредственностью и прямотой, как, скажем, это сделал Примо Леви в описании своего заключения в Аушвице?»*, – интересуется Рот⁵ [2, с. 136].

Ответ Аппельфельда оказывается близок взглядам самого Рота – реальность может быть куда изощреннее вымысла, а жизнь способна приподносить сюжеты, на которые не способно человеческое воображение. *«Я несколько раз пытался написать «историю моей жизни» в лесу после побега из лагеря. Но результат выглядел довольно слабо...Реальность, ты сам знаешь, всегда сильнее человеческого воображения. Более того, реальность может позволить себе быть непригодной, необъяснимой, сверх всякой меры. Художественное произведение, увы, не может себе этого позволить»*⁶ [2, с. 137].

Похожую реакцию на события войны можно найти, пожалуй, в любой национальной литературе, в том числе и белорусской. Например, в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, где повествование строится из свидетельств очевидцев блокады Ленинграда, мы снова сталкиваемся с невообразимостью реальной жизни: *«Тут уже не знаешь, где фантазия, где правда, – говорит одна из собеседниц авторов, – потому что правда была так фантастична, что ты не могла разобрататься, что правда, что неправда, что фантазия, что ложь. Понимаете? Но ведь это верно, и не расскажешь все до конца»* [7, с. 52].

Таким образом, путем использования в повествовании реальных исторических фактов Филип Рот демонстрирует, как сюжеты реальной жизни могут казаться менее правдоподобными, чем выдуманные истории. В то же время вымысел для писателя – то, что конструирует наше представление о реальности, а также то, что помогает рассказать о ней. Особенно, когда речь идет о такой ужасающей реальности, как Холокост – трагедии, которая оставила нестираемый след в самосознании евреев, а память о ней

⁴ Yes, for four hundred years now, Jewish people have lived in the shadow of this Shylock. In the modern world, the Jew has been perpetually on trial; still today the Jew is on trial, in the person of the Israeli—and this modern trial of the Jew, this trial which never ends, begins with the trial of Shylock [5].

⁵ And did it occur to you ever not to fictionalize this material but to present your experiences as you remember them, to write a survivor’s tale as direct, say, as Primo Levi’s depiction of his Auschwitz incarceration [5]?

⁶ I tried several times to write “the story of my life” in the woods after I ran away from the camp. But all my efforts were in vain... Reality, as you know, is always stronger than the human imagination. Not only that, reality can permit itself to be unbelievable, inexplicable, out of all proportion. The created work, to my regret, cannot permit itself all that [5].

продолжает быть ориентиром для жизни на современном этапе.

Список использованной литературы

1. Рот, Ф. Зачем писать? Авторская коллекция избранных эссе и бесед / Ф. Рот; пер. с англ. Олега Алякринского. – М.: ИД Книжники, 2021. – 552 с.
2. Рот, Ф. Операция «Шейлок». Признание: Роман / Ф. Рот; Пер. с англ. С. Силаковой. – М. : Книжники, 2018. – 685 [3] с.
3. Сінькова, Л. Д. Беларуская «звышлітаратура» : літаратуразнаўчыя і літаратурна-крытычныя артыкулы / Людміла Сінькова. — Мінск : Кнігазбор, 2019. — 224 с.
4. Карасик, О. Б. Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности: монография / О. Б. Карасик. – Казань: РИЦ «Школа», 2015. – 308 с.
5. Roth, Ph. Operation Shylock: a Confession [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.you-books.com/book/P-Roth/Operation-Shylock>. – Date of access: 12.10.2022.
6. Danielle Rabbino, A. Adjudicating Identity in Philip Roth's Operation Shylock / A. Danielle Rabbino // Shofar : An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies. – 1997. – Vol. 16, №. 2. P. 70-88.
7. Адамович, А., Гранин, Д. Блокадная книга. – М.: Советский писатель, 1983. – 432 с.

О. А. Овчинникова,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ Д. КЕЛЬМАНА «ТИЛЬ»

Аннотация. *Статья посвящена соотношению факта и вымысла в романе Д. Кельмана «Тиль». В романе о Тридцатилетней войне реальные исторические факты переплетаются с вымышленными, что позволяет воссоздать картину эпохи и достигнуть эффекта правдоподобия, чтобы незаметно вплести в реальную картину элементы вымысла. Героями романа становятся известные исторические лица, ученые, короли, поэты, а вместе с ними и полностью вымышленные персонажи. Взаимодействие исторического факта с художественным вымыслом, а также особенности организации нарратива позволяют Кельману размыть границы между реальностью и вымыслом, а также поднять проблему создания художественного текста и обозначить роль интерпретации.*

Ключевые слова: *барочная литература; художественный вымысел; исторический факт; нарратив.*

О. А. Ovchinnikova

Master Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

HISTORICAL FACT AND FICTION IN THE NOVEL BY D. KEHLMANN «TYLL»

Abstract. *The article is devoted to the correlation of fact and fiction in D. Kehlmann's novel «Tyll». In the novel about the Thirty Years' War, real historical facts are intertwined with fictional ones, which allows the author to recreate the picture of the era and achieve the effect of verisimilitude in order to imperceptibly weave elements of fiction into the real picture. The characters of the novel are famous historical figures, scientists, kings and poets, along with completely fictional characters. The interaction of historical fact with fiction, as well as the peculiarities of narrative organization, allow D. Kehlmann to blur the boundaries between reality and fiction, as well as raise the problem of creating a literary text and identify the role of interpretation.*